

Стокгольмский Борис
 Александрович Покровский
 17.01.2002

ТАЙНА ОПЕРЫ

— Опера — это одухотворенная жизнь, — говорит Борис Александрович. — В драматическом спектакле, пусть это даже Чехов или Островский — писатели с душой и сердцем, — важно прежде всего действие, событие, факт. Для оперы — красота действия, душа факта. В драме, к примеру, два человека просто обедают за столом — в опере в это же время разбиваются их сердца!

— Так, может, это и есть подлинная правда?

— Это такая правда, которая не объясняется, а рождается в сердце. Слушая оперу, можно заплакать от внезапного ощущения счастья, либо, придя домой, проснуться ночью — и стать другим. А теперь представьте себя мальчиком, который упал, разбился, ему больно, он плачет. Куда он бежит? К маме. И что же мама? Обнимет, укачает, споет про серого волка, который утащит в лес, где лешие и ведьмы... А мальчик-то улыбается. Вот мудрость! Искусство оперы — и есть та самая мама. В опере умирают, изменяют, убивают, война, дуэли, кровь: красавица Кармен погибает, Ленский, всеми любимый, сражен на дуэли... Но все идет на эти спектакли, как на праздник. И все облагораживаются. Страдание, одухотворенное музыкой, облагораживает. И чрезвычайно важно именно то, что это — красивое страдание! Не ненавистное, бытовое — скажем, повышение цен, когда все в занудной тоске, или страшный террористический акт, вызывающий злобу, страх и отвращение. Опера — это величайший катарсис, очищение души светлым страданием. Мы подсознательно становимся чище и после гибели Кармен, и после смерти Виолетты из «Травиаты». Потому что эти герои ведут себя благородно.

ИЗ ПРОШЛОГО

— У нас в семье никто не рисовал, не пел, не писал стихов. Но был граммофон, пластинки. По воскресеньям, после обеда, слушали Шаляпина, Нежданову. Отец, учитель словесности, преклонялся перед Шаляпиным, Чеховым, Станиславским.

— О Станиславском училили еще в детстве?

— Каждый день о нем слышал: МХАТ был очень уважаем. Любимых артистов называли по имени-отчеству. Говорили: Василий Иванович — значит, Качалов; Иван Михайлович — значит, Москвин. Все понимали: эти люди, как воздух, нужны России! А наша семья была частью России.

Мой дедушка со стороны отца служил священником в церкви Боголюбской Божьей Матери на Варварке. Мать вышла из большой купеческой семьи. Быт соответствовал положению отца, инспектора частного реального училища в Дорогомилове: квартира в пять комнат, прислуга, няня для детей. Однако «господ» Покровских советская власть не тронула. Причиной тому — исконно русский, законопослушный характер главы семьи.

Не рабская покорность, а врожденное уважение к власти. Отец никогда не высказывал претензий ни к

Николаю Второму, ни к Керенскому, ни к Ленину. Он считал: его Россия — его судьба. И это оценили: бывшего частного инспектора назначили директором Первой Трудовой советской школы. Его отношение к жизни стало и моим — никогда не был бунтарем.

— Как начинался ваш путь в оперу?

— В нашем доме было пианино, на котором, впрочем, никто не играл. Появился я и стал стучать по клавишам, что-то подбирал, сам кое-как научился играть. И когда я всем ужасно надоел, отец сказал: «А не показать ли нам кому-нибудь Боречку?» Ему подсказали: есть две очень музыкальные дамы, две сестры — Елена и Евгения Фабиановны Гнесины, у них школа на Собачьей площадке. Меня привели туда зимой, посреди учебы. Но Елена Фабиановна любезно нас приняла. Спросила, что я играю. От волнения я все забыл и расплакался. По натуре очень строгая, Гнесина ласково успокоила меня. Так я попал в школу, а потом и в училище Елены и Евгении Гнесиных — величайших педагогов России, воспитавших многих знаменитых музыкантов.

ЛЮБИМЕЦ
НЕЖДАНОВОЙ

— Если взглянуть на мою жизнь со стороны, то, конечно, я сделал большую карьеру. Глупо отказываться — да, сделал карьеру. Но в том-то и парадокс, что я ее не делал!

— Что же, она сделала сама?

— Да. Так нужно было судьбе. Считают, что надо вовремя помочь человеку выбрать профессию. Скажу вовсе наоборот: не человек выбирает профессию, а профессия выбирает нужного ей человека. Я понадобился опере. Была такая оперная традиция: человека, который нужен, звали к себе домой «чайку попить». Помню, я только пришел в Большой, только приступил к репетициям и... Сам Голованов (перед которым я с юности преклонялся), Николай Семенович, зовет меня к себе «пить чай». Я, трепеща, прихожу, и он звонит Неждановой, которая жила рядом: «Антонина Васильевна, у вас, я знаю, в холостильнике (время было военное!) сыр есть... — Ко мне пришел ваш любимый Борис Александрович». Любимец Неждановой — сказка! Она уже не пела, но, слава Богу, приходила в театр... А потом я в гостях у Самуила Абрамовича Самосуда, с которым репетировал свою первую оперу в Большом.

— Было время... В одном театре сразу два великих. А нынче?

— Трагедия! Нет уже больших дирижеров в опере. Где, к примеру, последние из могикан — Рождественский и Светланов? Откололись? Нет, их откололи! Таких музыкантов надо хранить, как бриллианты. Но у нас не знают, что такое настоящее добро. По нашему, добро — это чиновник, будь он, как вчера, в ЦК, или, как сегодня, в Белом доме. И вот лучшие наши музыканты работают за границей. Но их нельзя винить: работают там, где нужны.

Борис ПОКРОВСКИЙ:

БОЛЬШЕ
ВСЕГО
БОЙТЕСЬ
СВОИХ
УЧЕНИКОВ

ФОТО ЛЮДМИЛЫ ИВАНДИКОВА

Выдающийся оперный режиссер современности Борис Александрович Покровский родился в Москве 23 января 1912 года.

Выпускник (1937) и профессор (с 1954 года) ГИТИСа. В 27 лет стал художественным руководителем Горьковского театра оперы и балета.

С 1943 года работал в Большом театре, в 1952-63, 1968-82 — главным режиссером. Поставил множество великолепных спектаклей — «Вражья сила» (1947), «Садко» (1949), «Игрок» (1974), «Нос» (1979). Получил за свои труды четыре

Государственные премии СССР (1947, 1948, 1949, 1950), Ленинскую премию (1980), Государственную премию РФ (1997), два ордена Ленина (1967, 1976) и орден «За заслуги перед Отечеством» III степени (1997). В 1972 году основал и возглавил Московский камерный музыкальный театр, ставший одним из лучших оперных театров мира.

КАК ВЫГОНЯЮТ
ИЗ БОЛЬШОГО

Тридцать лет «правил» в Большом Борис Покровский, поставил за это время более пятидесяти блистательных спектаклей, объехал с ними весь мир, воспитал целую плеяду оперных звезд. С тех пор утекло немало воды. Появился Камерный музыкальный театр, с рождением которого многие до сих пор связывают, якобы, вполне органичный уход Покровского из Большого. И вот, словно гром прогремел, вышла книга Бориса Покровского «Когда выгоняют из Большого».

«Кирилл Кондрашин», «Галина Вишневская», «Мстислав Ростропович»... Таковы названия глав этой пронзительной книги, имена великих жертв Большого театра, сделавших для него так много и выгнанных из него с такой беспощадностью. Эти люди работали плечом к плечу с главным режиссером Большого тех лет Борисом Покровским, были его друзьями и единомышленниками. Естественно, судьба его соратников вскоре стала и его судьбой.

«Из античности к нам пришло предостережение: более всего бойтесь своих учеников, — читаю у Покровского. — Даже ученики Христа не оспорили этой формулы».

И вот собрание бывших учеников объявляет создание нового худсовета театра, который закрывает очередной спектакль учителя, как недостойный Большого, а его постановщика увольняет «ввиду его малой квалификации» (!). Далее все как по-писанному: раздается звонок министра культуры СССР Де-

мичева, который мягко и дружелюбно предлагает Покровскому «срочно приехать». Тот приезжает. Пишет под диктовку краснеющего от стыда и разводящего руками («Поймите, я бессилён!») министра заявление о своем уходе из Большого. И, проработав в театре четыре десятка лет, в течение одного дня «выходит на свободу».

Боль этой утраты останется в нем навсегда. Он не мог ходить возле Большого, не мог даже смотреть на его фотографии. При этом Большой остался для него святым домом, в котором временно свила себе гнездо мерзость предательства. Да, временно. Ибо, спустя несколько лет его снова позвали в Большой. И он пришел. Но душа его была уже в Камерном, в театре, где Покровский сумел-таки осуществить свою главную мечту — открыть дорогу в оперу современной музыке.

Я поинтересовался, что он покажет своим зрителям в новом году. И был просто ошеломлен блистательным разнообразием богатейшего репертуара: 25 опер, в том числе «Женитьба» Мусоргского, «Нос» Шостаковича, «Жизнь с идиотом» Шнитке, «Гименей» Генделя, «Байка» Стравинского. Две дюжины спектаклей — от «Эвридики» Якоба Пери, первой в мире оперы, сочиненной 400 лет назад, до «Художника и четырех девочек» Эдисона Денисова — композитора XXI века!

О ЛЮБВИ
И ЧЕСТИ

— Вы прожили почти весь двадцатый. Ваше ощущение века?

— Огромное смятение. И в этом смятении — трагедии предательства, обманов, мелких интриг и жульничества: словом, всех атрибутов «рынка». Вот и нас разворачивают к «рынку», не понимая, что для русского человека рынок — не просто способ экономики, но образ.

— Известно, что страны, давно исповедующие рыночную экономику, живут куда лучше нас...

— Рынок — это преступление в принципе: выиграл тот, кто обманул. Один продает — другой покупает. Здесь можно купить все, что угодно, — даже любовь и честь. Вы что-нибудь слышали в последнее время о чести? Слава Богу, я еще застал и честь мундира, и святое отношение к женщине. А нынче... Чувство чести во всем мире уничтожено рынком. На рынке честь не нужна — вы с ней только проиграете.

— Выходит, опера — один из последних форпостов человеческого достоинства? Место, где за любовь и честь люди попрежнему идут на смерть? Может ли современный человек здесь обрести себя?

— Может. Если у него еще открыта душа. И есть уши, которые еще не заткнули пошляки. Иначе в опере уже нет потребности. Спасти человека для оперы, а оперу — для человека могут только честные условия жизни и законы, высокая и органичная система образования. Вся организация нации должна быть подчинена этому.

Встречался
Леонид ЛЕРНЕР